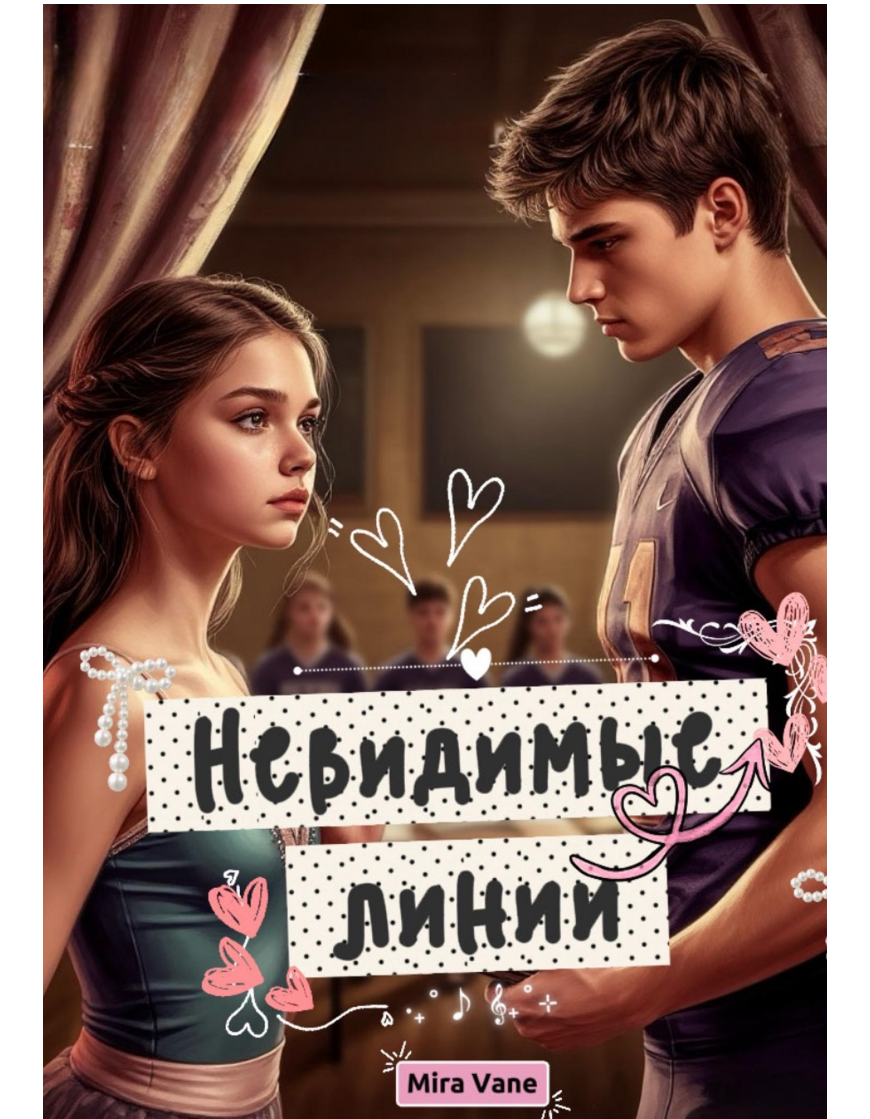

A romantic scene featuring a young man and woman looking at each other. The woman is on the left, wearing a dark blue top with a pearl necklace. The man is on the right, wearing a purple shirt. The background is a warm, indoor setting with curtains. There are several decorative elements: white hearts and a heart-shaped arrow pointing from the woman to the man, pink hearts and a heart-shaped arrow pointing from the man to the woman, and musical notes at the bottom. The text "Невидимые линии" is written in a stylized font on a white background with black dots.

Невидимые линии

Mira Vane

Mira Vane

Невидимые линии

<https://litres.ru/74645388>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре истории — Кира, капитан танцевальной команды, которой пришлось столкнуться с травлей и предательством. После скандала, едва не разрушившего коллектив, ей предстоит не просто вернуть доверие товарищей, но и заново научиться вести за собой — не через контроль, а через поддержку. На пути к главному выступлению Кира опирается на отца, чья тихая, но твёрдая поддержка становится для неё опорой, и на Макса, рядом с которым можно не притворяться сильной. Параллельно раскрываются истории других участников: Алины, пытающейся искупить вину, и Артёма, который видит мир в линиях и схемах, помогая команде обрести гармонию. Это история о том, как боль и ошибки не стирают, а делают команду крепче — и как настоящая сила рождается не в одиночестве, а в умении держаться вместе.

Содержание

Глава 1. Линии, которые видно только ей	4
Глава 2. Линии, которые нельзя стереть	12
Глава 3. Первая линия обороны	19
Глава 4. Тихий шум между словами	27
Глава 5. Когда линии рвутся	35
Глава 6. Время, которое кто-то подарил	42
Глава 7. Линии на бумаге и линии на паркете	50
Глава 8. Письмо, которое не уйдёт	56
Глава 9. Когда узор рассыпается	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Mira Vane

Невидимые линии

Глава 1. Линии, которые видно только ей

В комнате было слишком тихо. Не та тишина, которая успокаивает, а та, что звенит в ушах, будто кто-то выкрутил громкость мира на минимум, оставив только фоновый гул холодильника и редкие шаги отца за стеной. Кира сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и смотрела на свои пальцы. Они казались чужими — длинные, тонкие, будто не её. Она медленно сгибала и разгибала их, прислушиваясь к тихому хрусту суставов, и пыталась поймать тот самый момент, когда движение становится не просто движением, а танцем.

Ей казалось, что она чувствует ритм даже в тишине. Он прятался в стуке часов, в скрипе половиц, в том, как ветер дёргает ветку за окном. Ритм был повсюду, но стоило ей выйти на сцену — он исчезал. Оставались только глаза зрителей, чужие взгляды, липкие, как паутина, и голос внутри, который шептал: «Ты не та. Ты не в центре. Ты просто держишь линию».

Кира опустила руки и потянулась к наушникам. Музыка должна была вернуть ей этот ритм, собрать рассыпающиеся линии в узор. Она выбрала трек, который знала наизусть: тяжёлый бас, чёткие удары, под которые тело само знало, что делать. Закрыла глаза. И начала двигаться.

Не танец, не номер — просто перекаты с пятки на носок, повороты корпуса, взмах рукой, который она тут же останавливала, будто боялась, что движение унесёт её куда-то, где она не сможет найти дорогу назад. В зеркале напротив мелькали обрывки её отражений: взъерошенные волосы, тёмные круги под глазами, футболка, которую она носила уже третий день подряд. Она не смотрела на себя — смотрела сквозь.

Когда трек закончился, в комнате снова повисла тишина. Кира замерла, чувствуя, как по спине стекает тонкая струйка пота, а в груди колотится сердце, будто она только что пробежала километр. Она тяжело вздохнула и стянула наушники.

На столе лежала записка от отца — аккуратный, почти детский почерк: «Ушёл в магазин. Вернусь через час. Если хочешь, можем заказать пиццу». Под словом «пицца» он поставил смайлик — кривоватый, будто нарисованный в спешке. Кира провела пальцем по линии улыбки и улыбнулась сама, едва заметно. Отец старался. Он просто не знал, как подступиться к ней, к этой новой, колючей версии дочери, которая хлопала дверями, прятала глаза и молчала часами.

Мать ушла два месяца назад. Просто собрала сумку, поцеловала Киру в макушку и сказала: «Мне нужно немного

времени». Время шло, а Кира всё ждала, что дверь откроется, и мама вернётся с каким-нибудь глупым подарком — брелоком, магнитиком, коробкой любимых конфет — и скажет: «Прости, я просто запуталась». Но дверь оставалась закрытой, а в квартире становилось всё тише.

Кира встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Двор был пустым, если не считать нескольких голубей, важно расхаживающих по асфальту. На детской площадке качалась одинокая качель, которую кто-то не докрутил до конца. Ветер дёргал её туда-сюда, и она поскрипывала, отбивая неровный ритм. Кира невольно покачала головой в такт этому скрипу. Даже здесь, в этом пустом дворе, был ритм. Только никто, кроме неё, его не слышал.

Телефон завибрировал. Кира вздрогнула и посмотрела на экран. Сообщение от Лены, лучшей подруги: «Ты идёшь сегодня на репетицию? Все уже там. Тренер что-то хочет сказать».

Кира закусила губу. Она знала, что должна пойти. Танцевальная команда была её единственным местом, где она чувствовала себя на своём месте — пусть и на втором плане. Она была той, кто держал линию, кто чувствовал, когда кто-то сбивался с ритма, и незаметно тянул за руку, возвращая в общий поток. Без неё узор рассыпался. Но сегодня мысль о том, что придётся стоять перед всеми, смотреть им в глаза, чувствовать, как кто-то шепчет за спиной, казалась невыносимой.

Она набрала ответ: «Иду. Через 20 минут». И тут же пожалела. Хотелось стереть сообщение, написать «Не могу», спрятаться под одеяло и сделать вид, что её здесь нет. Но она не стала. Вместо этого быстро натянула спортивные штаны, куртку и вышла из квартиры, тихо прикрыв дверь, чтобы отец не услышал.

Путь до спорткомплекса занимал двадцать минут. Обычно Кира шла и слушала музыку, позволяя ритму вести её вперёд. Сегодня она выключила плеер. Ей хотелось слышать город: гул машин, голоса прохожих, скрип кроссовок по асфальту. Хотелось зацепиться за реальность, не дать себе уплыть в свои мысли.

Школа стояла чуть в стороне, серая и угловатая, будто собранная из кубиков. У входа толпились ученики. Кира старалась не смотреть в их сторону, но краем глаза заметила группу девчонок из параллельного класса. Они смеялись, поправляли волосы, делали селфи. Одна из них — Алина, местная «звезда» — заметила Киру и что-то прошептала подругам. Все разом повернулись, и на секунду смех стих. Кира опустила голову и ускорила шаг.

«Они просто болтают, — повторяла она про себя, как мантру. — Это не про тебя. Это вообще ни про кого». Но голос внутри шептал другое: «Ты странная. Ты не такая, как все. Ты слишком тихая, слишком неловкая, слишком... не такая».

Спорткомплекс встретил её привычным запахом пота, ла-

ка для паркета и чего-то ещё — возможно, напряжения, которое всегда витало в воздухе перед важными репетициями. В раздевалке было шумно. Девчонки болтали, смеялись, обсуждали парней, учителей, новые кроссовки. Кира молча переделалась в чёрный топ и леггинсы, стараясь не привлекать внимания.

— Кира! — окликнула её Лена, махнув рукой. — Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Кира подошла. Лена держала телефон и показывала видео с какого-то конкурса.

— Смотри, как они держат линию! — восхищённо шептала Лена. — Мы так сможем?

Кира посмотрела на экран, на идеально синхронные движения, на улыбки, которые казались приклеенными, и кивнула.

— Сможем, — сказала она, хотя сама в это не верила.

Тренер, Марина Сергеевна, вошла в зал и хлопнула в ладоши, призывая к тишине. Её лицо было серьёзным, а это всегда означало что-то важное.

— Девочки, у меня для вас новость, — начала она, и в зале стало тихо. — Я вынуждена уйти. У меня проблемы со здоровьем, и ближайшие несколько месяцев я не смогу с вами работать.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные. Кто-то из девчонок тихо всхлипнул. Кира почувствовала, как внутри всё сжалось. Без Марины Сергеевны команда развалится.

Она была тем клеем, который держал их вместе, тем, кто видел в каждой из них что-то особенное.

— Но я не оставлю вас без поддержки, — продолжила Марина Сергеевна. — Школа предложила временного руководителя, но он не специалист по танцам. Поэтому я хочу, чтобы вы сами выбрали капитана. Того, кто сможет вести команду, пока я не вернусь.

Зал наполнился шёпотом. Кира почувствовала, как на неё смотрят. Не как на подругу, не как на одноклассницу, а как на возможную кандидатуру. И ей захотелось стать невидимкой.

— Я думаю, это должна быть Алина, — предложила одна из девочек, и многие закивали. Алина была яркой, уверенной, она всегда знала, что сказать.

Алина улыбнулась, будто уже примеряла на себя эту роль. — Или Кира, — неожиданно сказала Лена, и все повернулись к ней. — Она лучше всех чувствует ритм. Она всегда знает, когда кто-то сбивается, и помогает вернуться.

Кира почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она хотела возразить, сказать, что не готова, что это не её роль, но слова застряли в горле.

— Давайте проголосуем, — предложила Марина Сергеевна, и в её голосе слышалась усталость. — Кто за Алину? Кто за Киру?

Руки поднимались, голоса звучали, но Кира уже не слушала. Она смотрела на свои пальцы, снова и снова сгибая и

разгибая их, пытаюсь поймать тот самый ритм, который сейчас казался ей самым важным в мире.

Когда голосование закончилось, Марина Сергеевна посмотрела на Киру и мягко сказала:

— Ты согласна попробовать? Ты не обязана, но команда хочет, чтобы это была ты.

Кира подняла глаза и увидела лица девчонок — напряжённые, ожидающие, немного испуганные. Они нуждались в ком-то, кто скажет: «Всё будет хорошо». И она вдруг поняла, что, возможно, этот кто-то — она.

— Хорошо, — прошептала она, и её голос прозвучал громче, чем она ожидала. — Я попробую.

Марина Сергеевна кивнула, будто знала, что Кира скажет именно это.

— Тогда начнём с простого, — сказала она. — Покажи им движение, которое ты чувствуешь сегодня. То, которое говорит о том, что ты сейчас чувствуешь.

Кира закрыла глаза, прислушалась к себе и начала двигаться. Не идеально, не синхронно, а так, как будто её тело знало что-то, чего не знал разум. Она чувствовала, как за ней подтягиваются остальные, как их движения становятся ровнее, как линия, которую она вела, становилась крепче.

Когда она закончила, в зале повисла тишина, а потом раздались аплодисменты. Кира открыла глаза и увидела, что девчонки улыбаются. Не насмешливо, а искренне. И впервые за долгое время она почувствовала, что находится на своём

месте.

Но в дверях зала стоял новенький — высокий, уверенный, с лёгкой улыбкой на губах. Капитан футбольной команды, о котором все только и говорили. Он смотрел на неё, и в его взгляде было что-то такое, от чего у Киры перехватило дыхание. Он не смеялся, не отводил глаз — он просто смотрел, будто видел её настоящую.

Рядом с ним стоял Артём, её лучший друг детства. Он тоже смотрел на неё, но в его взгляде читалась тревога. Артём всегда был рядом, всегда понимал её без слов. Но сейчас между ними будто выросла невидимая стена.

Кира сделала шаг вперёд, чувствуя, как под ногами скрипит паркет, и подумала: «Сегодня я держу линию. А завтра... завтра я научусь держать себя».

Глава 2. Линии, которые нельзя стереть

После репетиции зал будто ещё хранил отзвук её неуверенного, но настоящего движения — как эхо, которое не спешило растворяться в бетонных стенах. Кира стояла у зеркала, не глядя на себя, а скорее сквозь отражение: видела не лицо, не тёмные пряди, прилипшие к вискам, а ту самую линию, которую только что вела. Линия была неровной, местами дрожащей, но она существовала. И команда за ней подтянулась.

Это пугало и грело одновременно.

Она медленно стянула резинку с волос, позволяя им упасть тяжёлой волной, и тут же пожалела: теперь казалось, что она слишком открыта, слишком заметна. Хотелось снова спрятать лицо за прядями, стать той самой Кирой, которая всегда на втором плане — удобной, незаметной, незаменимой, но не главной.

Лена подошла сзади и положила ладонь ей на плечо — не сильно, но достаточно, чтобы Кира почувствовала опору.

— Ты была крутой, — тихо сказала Лена. — Правда. Не смотри так, будто сейчас провалишься сквозь пол.

Кира слабо улыбнулась, не поворачиваясь.

— Я не была крутой. Я просто... двигалась.

— Именно. Ты не пыталась быть кем-то другим. И они это почувствовали.

В дверях мелькнула тень — кто-то вошёл, и Кира невольно напряглась. Но это был не капитан футбольной команды, не тот парень, от взгляда которого у неё перехватывало дыхание. Это был Артём.

Он стоял, прислонившись к косяку, в своей привычной позе — будто весь мир мог подождать, пока он решит, стоит ли в него вступать. В руках он держал потрёпанный скетчбук, который таскал с собой с пятого класса. Иногда Кира думала, что в этом скетчбуке спрятан весь Артём: его мысли, его неловкость, его способ не говорить лишнего.

— Привет, — сказал он просто. — Ты как?

Кира выдохнула. С Артёмом не нужно было подбирать слова. Он знал её с тех пор, когда она ещё не боялась быть смешной, когда танцевала прямо на кухне под старые мамины пластинки и хохотала, если спотыкалась. Сейчас ей казалось, что та Кира осталась где-то там, в прошлом, за закрытой дверью.

— Нормально, — ответила она, хотя это было не так. — Просто... много всего.

Артём кивнул, будто и не ждал другого ответа. Он подошёл ближе, не нарушая её пространства, остановился на расстоянии вытянутой руки — ровно настолько, чтобы быть рядом, но не давить.

— Если хочешь, можем пойти к набережной. Там сей-

час пусто. Посидим, помолчим. Или поболтаем про всякую ерунду. Про что угодно, только не про танцы и не про капитанов.

Кира на секунду закрыла глаза. Набережная. Их место. Там ветер срывал слова раньше, чем они успевали стать тяжёлыми, а шум воды заглушал ту самую звенящую тишину, которая теперь преследовала её дома.

— Давай, — сказала она, и в этом «давай» было больше, чем просто согласие. В нём было: «мне сейчас нужно, чтобы кто-то просто был рядом».

Они вышли из спорткомплекса, и город сразу накинул на них свои звуки: гул машин, обрывки разговоров, чей-то смех, резкий гудок. Кира невольно втянула голову в плечи, будто хотела стать меньше, незаметнее. Но Артём шёл рядом, не ускоряя шаг, не подгоняя, просто позволяя ей идти в своём ритме.

У школы снова мелькнула группа девчонок — Алина и её подруги. Кто-то бросил вслед: «Смотрите, наша новая звезда идёт!» — и смех рассыпался, как битое стекло. Кира жала кулаки, но не остановилась. Артём тоже не обернулся, но Кира почувствовала, как он чуть ближе придвинулся к ней — не заслоняя, но как будто очерчивая невидимую линию защиты.

— Не слушай, — тихо сказал он. — Они просто не знают, как реагировать на то, что ты теперь не «на втором плане». Для них это как если бы тень вдруг заговорила.

Кира горько усмехнулась.

— А я и не хочу быть тенью. Но и не хочу быть этой... яркой вспышкой, которая всех слепит.

— Может, тебе и не надо быть ни тем, ни другим, — спокойно ответил Артём. — Может, ты просто линия. Та, что держит узор. Без неё всё развалится, даже если она не самая заметная.

Они дошли до набережной. Ветер здесь был другим — не городским, суетливым, а широким, свободным. Он забирал с собой лишнее: обиды, страхи, чужие слова. Кира села на бетонный выступ, свесив ноги над водой, и почувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Артём сел рядом, открыл скетчбук и начал что-то быстро набрасывать — линии, штрихи, едва уловимые контуры.

— Что рисуешь? — спросила Кира, чтобы нарушить тишину, но не слишком.

Артём пожал плечами, не отрываясь от листа.

— Тебя. Не лицо. Движение. То, как ты стоишь. Как будто ты прислушиваешься к чему-то, чего никто другой не слышит.

Кира замерла. Никто никогда не рисовал её «движение». Обычно все хотели лица, улыбок, «чтобы было красиво». А тут — её ритм, её напряжение, её способ быть в мире.

— Покажи, — попросила она.

Артём помедлил секунду, потом протянул скетчбук. На странице была она — не идеальная, не гламурная, а настоя-

щая: чуть сгорбленная, напряжённая, но с какой-то внутренней собранностью, будто вся её сила была спрятана внутри, в ожидании момента, когда её можно будет выпустить.

Кира долго смотрела на рисунок, а потом тихо сказала:
— Это я.

Артём улыбнулся краешком губ.

— Ну, я старался.

Они сидели так ещё какое-то время, пока солнце не начало садиться, окрашивая воду в рыжие и золотые полосы. И в этот момент Кира вдруг поняла, что не одна. Что есть человек, который видит её не как «ту, что держит линию», а как кого-то большего.

Но стоило этой мысли согреться внутри, как перед глазами снова встало лицо того парня — капитана футбольной команды. Его взгляд, спокойный и уверенный, будто он знал о ней что-то, чего она сама ещё не успела осознать. И рядом с этим образом тень Артёма становилась чуть менее яркой, а линия между ними — чуть более зыбкой.

Когда они возвращались, город уже зажигал огни. В окнах квартир горел тёплый свет, и Кира вдруг остро почувствовала, что её собственный дом — тот, где отец старается, но не знает, как подступиться, где тишина стала привычной, а отсутствие мамы — тяжёлым грузом — ждёт её.

Отец сидел на кухне, пил чай и делал вид, что читает газету, хотя глаза его скользили по строчкам без остановки, будто он искал в них ответы на вопросы, которые не решался

задать вслух.

— Привет, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал обычно. — Мы с Артёмом гуляли.

Отец поднял глаза, и на секунду в них мелькнуло облегчение — такое тихое, почти незаметное, но Кира его увидела.

— Хорошо, — сказал он. — Я... я разогрел суп. Если хочешь.

Кира кивнула. Суп был простой — овощной, чуть пересоленный, как всегда, когда отец пытался приготовить что-то «по-взрослому». Но она ела, чувствуя, как тепло медленно разливается по телу, и как с каждым глотком становится чуть легче дышать.

— Пап, — начала она, когда тарелка опустела. — А ты... ты когда-нибудь делал что-то, чего боялся? Ну, когда все смотрели, а ты не знал, справишься или нет?

Отец отложил газету, посмотрел на неё внимательно, будто впервые за долгое время действительно увидел.

— Делал, — признался он. — Когда мама ушла, я думал, что не справлюсь. Что ты посмотришь на меня и поймёшь, что я ничего не знаю, ничего не умею, кроме как чинить краны и варить суп.

Кира опустила глаза. Она никогда не думала об этом с его стороны.

— Но ты справляешься, — тихо сказала она.

Отец слабо улыбнулся.

— Стараюсь. И знаешь... иногда самое трудное — это

просто остаться. Не убежать, не спрятаться, а сказать: «Я здесь, я попробую».

Кира кивнула, чувствуя, как эти слова ложатся на её собственные страхи, словно идеально подогнанный кусочек пазла.

Ночью, лёжа в темноте, она снова и снова прокручивала в голове слова Марины Сергеевны, взгляды девчонок, спокойный рисунок Артёма и тот взгляд капитана футбольной команды — взгляд, в котором не было насмешки, но была какая-то странная, почти пугающая уверенность.

Ей предстояло сделать то, чего она боялась больше всего: выйти вперёд. Не для того, чтобы сиять, а чтобы держать линию. И теперь она начинала понимать: держать линию — это тоже смелость.

Глава 3. Первая линия обороны

Утро началось с того, что Кира не узнала собственное отражение. В зеркале смотрела не она — а кто-то чужой: напряжённая, с тёмными кругами, будто всю ночь не спала, хотя на самом деле просто лежала, слушая, как в соседней комнате отец ворочается и вздыхает. Она отвернулась от зеркала, не желая встречаться взглядом с этой версией себя, и натянула худи — объёмное, тёмное, такое, в котором можно спрятаться.

В школе пахло старыми учебниками, разогретым в микроволновке обедом и чем-то ещё — нервным, колючим, будто воздух сам по себе стал гуще к началу недели. Кира шла по коридору, стараясь держаться ближе к стене, сливаться с тенью между шкафчиками. Но сегодня это не работало. На каждом повороте её будто поджидали взгляды: кто-то шептал, кто-то усмехался, кто-то просто смотрел слишком пристально, будто пытался понять, из чего она сделана — и не рассыплется ли под этим вниманием.

У двери спортзала она остановилась, вдохнула, задержала воздух на секунду и только потом толкнула дверь.

Зал встретил её привычным холодом и запахом лака, но сегодня в нём было что-то чужое — напряжение, плотное, как туман. Девочки стояли кучками, переглядывались, шептались. Алина стояла в центре, в своей любимой позе — руки

скрещены, подбородок чуть приподнят, будто она уже была капитаном, а всё остальное — просто формальность.

— А, вот и наша «капитанша», — сказала Алина, растягивая слово так, что оно звучало как насмешка. — Мы уж думали, ты решила, что звание дают за то, что тихо стоишь в углу.

Кира почувствовала, как кровь приливает к щекам, но заставила себя не опускать голову. Она вспомнила слова отца: «Иногда самое трудное — это просто остаться». Вот она и осталась. Стояла, не пряталась, не пятилась назад.

— Я здесь, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И мы сегодня репетируем. У нас мало времени, а номер ещё не собран.

Алина усмехнулась, но в её глазах мелькнуло что-то — не просто раздражение, а обида, будто её лишили чего-то важного.

— Ты серьёзно? Ты хочешь вести репетицию? Ты даже в центре стоять боишься.

— Мне не нужно стоять в центре, чтобы видеть, где линия ломается, — спокойно ответила Кира. — А она ломается. Мы это все чувствуем.

Кто-то из девочек тихо кивнул. Кто-то опустил глаза. Напряжение в зале стало чуть тоньше — не исчезло, но дало трещину.

Кира подошла к центру, не спеша, будто каждый шаг был частью танца. Она встала там, где обычно стояла Марина

Сергеевна, и почувствовала, как пол под ногами становится твёрже. Это было её место — не потому что самое заметное, а потому что отсюда лучше всего видно узор.

— Начнём с разминки, — сказала она. — Лена, ты сегодня отвечаешь за темп. Ставь трек, который мы обсуждали. И давай без резких переходов — нам нужно, чтобы все вошли в ритм одинаково.

Лена кивнула, быстро, будто боялась, что кто-то её опередит, и включила музыку. Бас пошёл по полу, вибрируя в подошвах кроссовок, и Кира почувствовала, как тело само начинает откликаться.

— Сначала базовые шаги, — сказала она, показывая движения. — Не старайтесь быть идеальными. Старайтесь быть синхронными. Линия — это не про красоту, это про то, чтобы никто не остался один.

Они начали. Сначала было неловко: кто-то спешил, кто-то отставал, кто-то смотрел на Алину, будто ждал от неё разрешения двигаться. Но постепенно ритм начал собирать их обратно. Кира ходила между рядами, не кричала, не командовала — просто касалась плеча, чуть подправляя поворот корпуса, показывала глазами: «ещё раз, медленнее».

И тут Алина остановилась. Просто замерла посреди движения, скрестила руки и посмотрела на Киру так, будто хотела её прожечь насквозь.

— Знаешь, что смешно? — сказала она, и в её голосе было столько яда, что даже музыка не могла его заглушить. —

Ты говоришь про линии, про синхронность, а сама даже не можешь посмотреть человеку в глаза. Как ты собираешься вести команду, если ты сама не веришь, что имеешь право здесь стоять?

Девочки замерли. Музыка продолжала играть, но теперь она звучала как фон к чему-то тяжёлому, неизбежному. Кира почувствовала, как внутри всё сжимается, как будто кто-то потянул за невидимую нить и стянул её в тугий узел. Ей хотелось убежать. Хотелось сказать: «Ты права, я не могу, пусть кто-то другой». Но вместо этого она вспомнила Артёма и его рисунок — ту Киру, которая прислушивается к чему-то, чего никто не слышит. И она поняла: может, именно это и нужно сейчас.

— Я не обязана сиять, чтобы держать линию, — сказала Кира, и её голос прозвучал громче, чем она ожидала. — И я не обязана быть громкой, чтобы быть правой. Если ты хочешь вести — веди. Но если ты хочешь саботировать, потому что тебе обидно, что выбрали не тебя, — скажи прямо. Не прячь это за «я просто хочу, чтобы было хорошо».

Алина побледнела, будто эти слова ударили её сильнее, чем любая насмешка.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала она, но в этом шёпоте уже не было злости — только обида. — Ты просто тихоня, которая вдруг решила, что может всем указывать.

— Я не указываю, — тихо, но твёрдо сказала Кира. — Я пытаюсь собрать номер. Потому что если мы не сделаем это

сейчас, у нас не будет шанса. И это не про меня. Это про всех нас.

Музыка всё ещё играла. Кто-то сделал шаг вперёд, кто-то повторил движение. Линия начала собираться снова.

— Давайте продолжим, — сказала Кира, не отводя взгляда от Алины. — Если ты не хочешь помогать — просто не мешай. Если хочешь — помоги. Но не разрушай.

Алина смотрела на неё ещё несколько секунд, будто пыталась найти в её лице что-то, что подтвердит её правоту. Но не нашла. Она опустила руки, вздохнула и тихо сказала:

— Ладно. Что дальше?

Кира на секунду закрыла глаза, чтобы не выдать, как сильно у неё дрожат руки. Победа была не громкой, не яркой — она была тихой, как линия, которую видно только тем, кто умеет смотреть.

— Дальше мы работаем над связкой, — сказала она, возвращаясь к делу. — Алина, ты сильная в динамике. Возьми на себя часть сложных переходов — покажи, как ты видишь, чтобы остальные могли подтянуться. Лена, ты следишь за темпом. И... давайте попробуем без остановок. До конца трека.

Они снова начали. На этот раз было чуть легче: не потому что стало идеально, а потому что напряжение перестало быть врагом. Оно стало топливом. Кира стояла в центре и видела, как линии складываются, рассыпаются и снова собираются — и каждый раз она успевала подхватить ту, что начинала

падать.

Когда трек закончился, в зале повисла тишина. Потом кто-то тихо захлопал, потом ещё кто-то, и вот уже весь зал звучал не музыкой, а аплодисментами — не для Киры, а для них всех, для того, что они смогли сделать вместе.

Кира выдохнула и почувствовала, что впервые за долгое время не хочет спрятаться. Она сделала шаг вперёд — не к центру сцены, а к команде — и сказала:

— Спасибо. Это было... настоящее.

После репетиции Кира вышла в коридор, и тут же её накрыла усталость — такая, будто она не танцевала, а держала на плечах весь зал. Она прислонилась к стене, закрыла глаза и попыталась просто дышать.

— Ты была крутой, — раздался рядом голос Артёма. Он стоял, прислонившись к соседнему шкафчику, и смотрел на неё так, будто видел не только то, что было сейчас, а и всё, что было до: её страх, её сомнения, её крошечную, но такую важную победу.

Кира слабо улыбнулась.

— Не знаю. Мне кажется, я просто не дала всему развалиться.

— Иногда этого достаточно, — сказал Артём. — Больше, чем кажется.

Он протянул ей бутылку воды, и она взяла её, чувствуя, как холодная поверхность приятно остужает разгорячённые пальцы.

— А ещё, — добавил Артём, чуть помедлив, — там у выхода стоит он.

Кира подняла глаза.

У стеклянных дверей, ведущих на школьный двор, стоял капитан футбольной команды. Он не смотрел прямо на неё — скорее, будто случайно задерживал взгляд, когда кто-то проходил мимо. И каждый раз, когда их глаза встречались, у Кире внутри что-то вздрагивало — не от страха, а от чего-то другого, незнакомого.

— Он тебя ждёт, — тихо сказал Артём, и в его голосе было что-то такое, чего Кира раньше не слышала — не ревность, не злость, а... осторожность, будто он боялся, что если скажет слишком много, она сделает шаг не туда.

Кира посмотрела на Артёма, потом снова на капитана. И поняла, что сейчас ей не хочется выбирать. Ей хотелось просто выдохнуть, почувствовать, что она справилась хотя бы с одним днём.

— Пусть подождёт, — сказала она, поворачиваясь к Артёму. — Пойдём куда-нибудь, где тихо. Где не нужно ни вести, ни сиять, ни держать линии. Просто посидим.

Артём улыбнулся — чуть заметно, но искренне.

— Знаю такое место, — сказал он. — За спортзалом есть старая скамейка. Там никто не ходит.

Они пошли по коридору, мимо любопытных взглядов, мимо шёпота, мимо всего, что пыталось её остановить. И Кира вдруг поняла: она не обязана быть ни тихой тенью, ни яркой

звездой. Она может быть линией — той, что соединяет одно с другим, и без которой узор теряет смысл.

Глава 4. Тихий шум между словами

Скамейка за спортзалом и правда была почти невидимой: старая, с облупившейся краской, наполовину скрытая разросшимся кустом сирени. Казалось, её специально прятали от чужих глаз — будто она существовала только для тех, кто умел искать укромные места. Кира села на край, подогнула ноги, уткнулась лбом в колени и наконец-то позволила себе выдохнуть так глубоко, что плечи опустились сами собой.

Артём сел рядом, не слишком близко — ровно настолько, чтобы быть рядом, но не нарушать её тишину. Он достал из рюкзака термос, открутил крышку и протянул ей.

— Какао. С корицей. Я знал, что сегодня тебе понадобится что-то тёплое.

Кира взяла термос, прижала к ладоням, чувствуя, как тепло медленно пробирается сквозь кожу. Сделала глоток — густой, сладкий, с той самой лёгкой горчинкой, которую она любила. И впервые за день почувствовала, что напряжение начинает отпускать, как туго затянутый узел, который наконец-то поддался.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Ты всегда знаешь, когда мне нужно просто... не быть капитаном.

Артём пожал плечами, будто это было самое обычное дело — знать, что нужно другу.

— Ты же не перестаёшь быть собой, когда надеваешь худи

вместо костюма. Просто сегодня твой костюм — это «держать линию». А я могу поддержать тишину.

Кира улыбнулась, но улыбка тут же дрогнула, потому что в голове снова всплыл тот взгляд — капитана футбольной команды у стеклянных дверей. Взгляд, в котором не было насмешки, но была какая-то странная уверенность, будто он заранее знал, что она справится. Или хотел, чтобы справилась.

— Он всё ещё там стоял, когда мы уходили, — осторожно сказал Артём, будто читал её мысли. — Тот парень. Капитан. Смотрел, как ты идёшь.

Кира опустила глаза, разглядывая трещины на досках скамейки.

— Наверное, просто ждал кого-то, — пробормотала она, хотя сама не верила в эти слова.

— Или тебя, — спокойно ответил Артём. — Он не из тех, кто просто «кого-то ждёт».

Кира не ответила. Ей не хотелось сейчас выбирать между «просто ждал» и «ждал меня». Ей хотелось, чтобы мир на минуту перестал требовать от неё решений.

Они посидели ещё немного, слушая, как ветер шевелит листья, как где-то вдалеке смеются ребята с футбольного поля, как город живёт своей обычной жизнью, в которой не все обязаны быть в центре внимания. И в этой обычной жизни Кира вдруг почувствовала себя чуть менее одинокой.

Но реальность возвращалась быстро. Телефон в кармане

завибрировал — сообщение от отца: «Сегодня у меня смена допоздна. На ужин — суп в холодильнике. Не жди, ложись, если устанешь. И... если хочешь, можем завтра утром вместе выпить кофе. Если тебе удобно».

Кира перечитала сообщение три раза. Отец старался. Старался не давить, не спрашивать «как дела», не требовать «поговорим», а просто оставлять дверь приоткрытой: «я здесь, если надо». И от этого становилось одновременно теплее и больнее — потому что хотелось, чтобы он просто обнял и сказал: «всё будет хорошо», но она уже была слишком взрослой для таких объятий, а он — слишком растерянным, чтобы сделать первый шаг.

— Папа пишет, — сказала Кира, убирая телефон. — У него смена допоздна.

Артём кивнул, будто понимал без слов, что за этим сообщением прячется не просто расписание, а целая история неловкости и попыток быть рядом.

— Тогда пойдём, — сказал он. — Провожу тебя до остановки. Или можем ещё посидеть, если не хочешь домой.

Кира покачала головой.

— Нет, лучше до остановки. Дома... там хотя бы тихо.

Они встали, стряхнули с одежды сухие листья, и пошли по тропинке, которая вела к главному выходу. И как будто специально, именно в этот момент из-за угла вышел он — капитан футбольной команды. Высокий, уверенный, в спортивной форме, будто даже обычная одежда на нём сидела

как экипировка для чего-то важного. Он увидел их, замедлил шаг, потом остановился.

— Привет, — сказал он, глядя прямо на Киру. Не на Артёма, не куда-то в сторону, а на неё. — Ты... ты сегодня круто вела репетицию. Я слышал, как девчонки говорили.

Кира почувствовала, как кровь приливает к щекам, и тут же разозлилась на себя за эту реакцию — будто тело предавало её, выдавая волнение там, где она хотела казаться спокойной.

— Спасибо, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы старались.

Капитан улыбнулся — не широко, не напоказ, а так, будто эта улыбка предназначалась только ей.

— Я Макс, кстати, — сказал он. — Если вдруг... ну, если будет нужна какая-то помощь. С организацией, с чем угодно. У нас в команде тоже бывает, что всё идёт не так, и нужен кто-то, кто просто скажет: «делаем вот так».

Кира кивнула, не зная, что ответить. Предложение звучало искренне, но в нём было что-то, что заставляло её нервничать — не потому что Макс был неприятен, а потому что внимание от такого человека будто увеличивало её под микроскопом.

— Я Кира, — сказала она наконец. — И... спасибо. Пока справляемся.

Макс снова улыбнулся, кивнул Артёму — коротко, уважительно, без вызова — и пошёл дальше, оставив после се-

бя ощущение чего-то большого, что только что коснулось их маленького, тихого мира и ушло дальше по своим делам.

Когда он скрылся за углом, Артём тихо выдохнул, будто только сейчас разрешил себе дышать.

— Он нормальный, — сказал Артём, словно оправдывая свои собственные чувства. — Просто... слишком заметный.

Кира усмехнулась, на этот раз искренне.

— Да. Слишком заметный. А я как раз пытаюсь быть не слишком заметной.

— Может, тебе и не надо быть незаметной, — тихо сказал Артём. — Может, тебе просто нужно, чтобы твоё «не слишком» тоже имело право на существование.

На остановке было шумно: школьники смеялись, кто-то громко включал музыку, кто-то спорил о чём-то важном и совершенно незначительном. Кира стояла чуть в стороне, обхватив себя руками, и чувствовала, как город снова пытается её поглотить — своим шумом, своими взглядами, своими бесконечными требованиями быть кем-то.

Автобус пришёл, они сели на задние сиденья, где было тише. Артём достал свой скетчбук и начал что-то быстро набрасывать — линии, штрихи, едва уловимые контуры. Кира смотрела на его руки — уверенные, спокойные, знающие, где провести черту, а где оставить пустое место.

— Знаешь, — вдруг сказала она, глядя в окно, где огни города сливались в размытые полосы, — иногда мне кажется, что мама ушла, потому что я стала такой... неудобной.

Слишком нервной, слишком молчаливой, слишком... сложной.

Артём не поднял глаз от скетчбука, но его рука на секунду замерла.

— Это не ты сложная, — тихо сказал он. — Это взрослеть сложно. И никто не учит, как делать это так, чтобы не ломать тех, кто рядом. Твоя мама... она, наверное, просто не знала, как быть рядом, когда всё меняется.

Кира сжала кулаки, чувствуя, как под веками щиплет от непролитых слёз.

— А папа знает? — прошептала она. — Он старается, я вижу. Но он смотрит на меня так, будто боится сказать не то слово, и от этого становится только хуже.

— Он любит тебя, — просто сказал Артём. — И он учится. Как и ты.

Автобус остановился, они вышли. До дома Киры было ещё десять минут пешком. Они шли молча, но это молчание уже не было тяжёлым — оно было тем самым, в котором можно было не прятать свои мысли, не подбирать слова, не пытаться казаться сильнее, чем ты есть.

У подъезда Кира остановилась, посмотрела на тёмные окна своей квартиры и вдруг поняла, что не хочет заходить туда одна. Не потому что страшно, а потому что тишина внутри будет слишком громкой.

— Останься ещё на пять минут, — попросила она Артёма. — Просто постоим тут. Пока не станет чуть легче.

Артём кивнул и встал рядом, плечом к плечу, не нарушая её пространства, но создавая вокруг неё невидимую линию защиты.

Они стояли так, пока в одном из окон не загорелся свет — отец вернулся раньше, чем обещал. Кира увидела этот свет и вдруг почувствовала, что дом не такой уж пустой. Что в нём есть кто-то, кто зажигает свет, просто чтобы она знала — её ждут.

— Иди, — тихо сказал Артём. — Он там. И он рад, что ты пришла.

Кира посмотрела на него — на его спокойное лицо, на скетчбук, который он всё ещё держал в руках, на ту самую уверенность, которая не кричала о себе, а просто была. И вдруг поняла, что у неё есть два разных вида опоры: одна — яркая, заметная, как свет прожекторов, другая — тихая, привычная, как тёплый свет в окне. И ей не обязательно выбирать только одну.

— Спасибо, — сказала она, и в этом «спасибо» было больше, чем просто благодарность. В нём было: «ты помогаешь мне держаться».

Артём улыбнулся, чуть наклонил голову в знак прощания и пошёл прочь, растворяясь в вечерних сумерках.

Кира поднялась по лестнице, открыла дверь и увидела отца, который стоял у плиты и пытался что-то помешивать, будто от этого зависело всё на свете.

— Привет, — сказал он, оборачиваясь. В его глазах бы-

ло столько надежды, столько желания сделать всё правильно, что у Киры сжалось сердце. — Я... я подумал, может, мы просто посидим. Без разговоров про важное. Просто про что-нибудь. Про кино, про погоду, про что угодно.

Кира сняла куртку, повесила её на крючок, подошла к столу и села на свой привычный стул.

— Давай про кино, — сказала она. — Расскажи, какой фильм ты любил в моём возрасте.

Отец улыбнулся — так искренне, так облегчённо, что Кира поняла: иногда самое большое взросление — это позволить кому-то быть рядом, даже если ты не знаешь, как об этом попросить.

Глава 5. Когда линии рвутся

Кира пришла в зал раньше всех — хотела успеть разложить мысли по полочкам, пока пространство ещё принадлежало только ей. Она медленно прошлась по паркету, прислушиваясь к тому, как пол отзывается на каждый шаг: где-то щёлкал стык досок, где-то скрипела лага — будто сам спортзал шептал ей предупреждения. Она остановилась в центре, закрыла глаза и попыталась услышать ритм номера — тот самый, который ещё вчера, казалось, начал складываться. Но сегодня тишина была другой: не уютной, а насторожённой, как перед грозой.

Девочки начали подтягиваться по одной, по двое. Кто-то смеялся, кто-то болтал про выходные, кто-то делал вид, что вообще не замечает Киру. Алина пришла последней — в наушниках, с видом человека, который здесь по ошибке. Она сняла наушники, бросила их в сумку и, не глядя на Киру, сказала:

— Ну, что сегодня? Опять будем «держат линию»?

Кира сжала кулаки, но заставила себя не отвечать на тон, а держаться за суть.

— Сегодня пробуем делегировать, — спокойно сказала она. — Я не могу всё делать одна, и вы тоже не должны просто ждать указаний. У нас мало времени, и если мы хотим выступить, нужно, чтобы каждый отвечал за свою часть.

Она достала листок, на котором заранее расписала роли: кто за музыку, кто за реквизит, кто за разминку. Старалась распределить так, чтобы учесть сильные стороны каждой — не по популярности, а по тому, что видела в репетициях.

— Лена, ты сегодня отвечаешь за трек-лист и темп. Пожалуйста, следи, чтобы переходы были плавными — нам нельзя терять ритм между частями. Алина, ты лучше всех чувствуешь динамику, поэтому прошу тебя взять связки с прыжками и резкими переходами. Покажи девочкам, как ты это видишь. А Катя, ты у нас внимательная к деталям — проверь реквизит: ленты должны быть без узлов, зажимы не должны щёлкать, когда мы двигаемся.

Лена кивнула, будто обрадовалась, что ей доверили что-то важное. Катя пожала плечами: «Ладно». А Алина просто стояла, скрестив руки, и смотрела куда-то мимо Киры, будто эти слова летели мимо неё.

— И ещё, — добавила Кира, стараясь звучать уверенно. — Давайте сегодня без остановок. До конца трека. Даже если кто-то собьётся — не замираем, не смотрим виновато, а подхватываем друг друга. Линия держится, пока мы все в движении.

Они начали с разминки. Катя вела её слишком быстро — девчонки не успевали, дыхание сбивалось, кто-то хихикал, кто-то злился. Кира хотела вмешаться, но сдержалась: она сама просила делегировать. Значит, надо дать шанс.

— Чуть медленнее, — тихо сказала она Кате, не повышая

голоса. — Нам важно, чтобы все вошли в ритм, а не чтобы мы всё сделали за две минуты.

Катя нахмурилась, будто восприняла это как упрёк.

— Я стараюсь, — буркнула она. — Просто не хочу, чтобы мы тут весь день стояли.

Кира кивнула.

— Спасибо, что стараешься. Давай просто на полтемпа медленнее.

Разминка закончилась, и они перешли к первой части номера. Лена поставила трек — но не тот, о котором договаривались. Вместо плавного вступления с нарастанием пошёл резкий бит, который буквально ударил по нервам. Девочки вздрогнули, кто-то засмеялся, кто-то закатил глаза.

— Это не тот трек, — спокойно, но твёрдо сказала Кира. — Мы договаривались начать с медленного темпа, чтобы собрать синхронность.

Лена покраснела.

— Прости, я перепутала папки. Сейчас найду.

Пока она копалась в телефоне, в зале повисла неловкая тишина. Алина фыркнула:

— Вот и вся твоя система. Ты делегируешь, а они не справляются. Может, проще, если ты сама всё будешь делать?

Кира почувствовала, как внутри поднимается волна раздражения — горячая, колючая, которая хотела выплеснуться в резком слове. Но она вдохнула, задержала воздух и ска-

зала:

— Не надо так. Лена ошиблась, она исправит. Мы все ошибаемся. Главное — как мы дальше с этим справимся.

Лена наконец нашла нужный трек. Он пошёл — медленный, тягучий, будто приглашал их двигаться осторожно, шаг за шагом. Они начали.

Сначала было хорошо: линия тянулась, девочки старались, даже Алина двигалась с привычной уверенностью. Но в первой сложной связке Катя не успела подать ленту вовремя — и та упала, запутавшись в ногах у двух девочек. Они споткнулись, кто-то выругался шёпотом, кто-то рассмеялся, чтобы скрыть неловкость.

— Стоп, — сказала Кира, но её голос потонул в шуме.

Алина резко остановилась и повернулась к Кире:

— Ты видишь? Они не слушают. Ты говоришь «держим линию», а они делают что хотят. Или они не верят, что ты имеешь право командовать. Или ты сама не веришь.

Кира почувствовала, как земля уходит из-под ног — не от страха, а от тяжести чужих ожиданий и своего бессилия.

— Они слушают, — тихо, но твёрдо сказала она. — Просто сегодня всё идёт не так. Давайте ещё раз. Без спешки. Катя, лента — заранее, не в последний момент. Лена, если трек сбивается — скажи сразу, не пытайся «догнать». Алина, если видишь, что кто-то теряется — не осуждай, а покажи ещё раз.

Но когда они начали снова, всё пошло ещё хуже. Лента

снова запуталась. Трек на середине вдруг оборвался — Лена случайно нажала не ту кнопку. Алина сделала связку слишком рано, и остальные не успели за ней. Линия рассыпалась на отдельные движения, на неловкие повороты, на виноватые взгляды.

Кто-то тихо сказал:

— Может, нам вообще не надо выступать? Может, мы просто не готовы?

Эти слова ударили сильнее любой насмешки. Кира стояла в центре и чувствовала, как её собственная уверенность тает, как лёд в тёплой воде. Ей хотелось сказать: «Вы правы. Я не справляюсь. Пусть кто-то другой». Но вместо этого она вспомнила Артёма и его рисунок — ту Киру, которая прислушивается к чему-то, чего никто не слышит. И она поняла: сейчас она должна услышать не музыку, а команду.

— Мы не отменяем выступление, — сказала она, и на этот раз её голос прозвучал твёрже. — Потому что если мы отменим, это будет не из-за того, что мы не можем, а из-за того, что мы сдались. А мы не сдаёмся.

Девочки переглянулись. Кто-то опустил глаза, кто-то сжал кулаки, кто-то просто ждал, что будет дальше.

— Давайте сделаем так, — продолжила Кира, стараясь говорить спокойно, но чётко. — Сейчас мы не делаем номер. Мы делаем упражнение. Просто шаг, поворот, соединение. Без красоты, без эффекта. Только чтобы чувствовать друг друга. Алина, ты ведёшь эту связку — медленно, чтобы все

успевали. Катя, ты держишь ленту, но не подаёшь её в движение, а просто держишь рядом, чтобы мы не спотыкались. Лена, ты ставишь самый простой ритм — без сложных переходов. А я буду ходить между вами и подсказывать, где линия начинает рваться.

Они попробовали. Медленно. Неловко. С паузами. Но постепенно что-то начало складываться — не идеально, но вместе. Кира ходила между девочками, касалась плеча, показывала глазами: «ещё раз», «медленнее», «смотри на соседку». Она не командовала — она помогала им найти друг друга.

Когда трек закончился, в зале повисла тишина — не тяжёлая, а какая-то новая, будто они только что сделали что-то важное. Никто не хлопал. Никто не смеялся. Просто стояли, тяжело дыша, и смотрели друг на друга — не как на соперниц, а как на тех, кто только что вместе удержал линию.

— Спасибо, — тихо сказала Кира. — Это было... непросто. Но вы старались. И это главное.

Алина посмотрела на неё — не с вызовом, а с каким-то новым выражением, будто впервые увидела в Кире не «тихоню», а кого-то, кто может держать удар.

— Ладно, — сказала она, опуская руки. — Давай завтра попробуем ещё раз. Но только если ты не будешь требовать от них невозможного. Они не роботы.

Кира слабо улыбнулась.

— Я и не требую. Я просто хочу, чтобы мы были вместе. После репетиции Кира вышла в коридор и прислонилась

к стене, чувствуя, как дрожат ноги и как в груди всё ещё колотится сердце — не от танца, а от напряжения, которое она держала весь вечер. Телефон в кармане завибрировал — сообщение от Артёма: «Как всё прошло? Если хочешь, можем просто посидеть и не говорить ни про танцы, ни про капитанов».

Кира напечатала: «Всё пошло не так. Но мы не сдались». И, сама не ожидая от себя, добавила: «Приходи, если можешь. Мне сейчас нужно, чтобы кто-то просто был рядом».

Артём ответил почти сразу: «Уже иду».

И Кира вдруг почувствовала, что даже если сегодня линии рвались, даже если команда будто её не слышала, она всё равно не была одна. И этого пока было достаточно.

Глава 6. Время, которое кто-то подарил

Утро началось с того, что Кира проснулась раньше будильника — от странного чувства, будто день уже идёт, а она ещё не успела в него встроиться. За окном было серо, небо висело низко, будто собиралось пролиться дождём, но пока только давило тишиной. В квартире было тихо: отец уже ушёл на смену, на столе лежала записка — аккуратная, с тем самым старательным почерком: «Кофе в термосе. Если будет тяжело — просто посидим вечером. Даже если без слов».

Кира сжала записку в пальцах, потом аккуратно разгладила и положила обратно. Ей хотелось, чтобы этих слов было достаточно, чтобы они могли заменить всё остальное. Но сегодня она знала: без слов не получится. Что-то назревало — в команде, в груди, в тишине дома.

В школе было шумно, но Кире казалось, что этот шум обтекает её, не задевая. Она шла по коридору, стараясь не смотреть по сторонам, но каждый раз, когда кто-то смеялся или оборачивался, внутри всё сжималось — будто она снова стояла в центре зала, а линия рвалась под чужими взглядами.

Перед спортзалом она остановилась, глубоко вдохнула, как перед прыжком в холодную воду, и толкнула дверь.

Сегодня в зале было иначе. Не то чтобы спокойнее — ско-

рее, тише. Девочки стояли кучками, но не шептались, а будто ждали. Алина стояла чуть в стороне, скрестив руки, но в её позе не было прежней агрессии — скорее, усталость и ожидание: «Ну, что ты теперь скажешь?»

— Привет, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сегодня у нас... мало времени. И я знаю, что вчера всё пошло не так. Но я не хочу отменять. Я хочу попробовать ещё раз. Только... по-другому.

Лена подняла глаза, будто хотела что-то сказать, но промолчала. Катя теребила край футболки. Алина чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, как они звучат.

И тут дверь снова открылась — и в зал вошёл Макс. В спортивной форме, с рюкзаком на плече, он выглядел так, будто пришёл не просто постоять, а сделать что-то важное. Все головы повернулись к нему — даже те, кто делал вид, что не замечает.

— Привет, — сказал Макс, глядя на Киру. — Я тут кое-что устроил. У вас сегодня после уроков зал свободен ещё на час. Я договорился с физруком — у футбольной команды тренировка переносится, так что место ваше.

Кира на секунду потеряла способность говорить. Час. Целый час, когда никто не будет торопить, никто не будет стучать в дверь, никто не скажет: «Освобождайте помещение».

— Спасибо, — наконец выговорила она. — Это... очень много значит.

Макс пожал плечами, будто это было пустяком, но в его улыбке было что-то, от чего напряжение в зале будто стало тоньше.

— Не за что, — сказал он. — Просто знаю, каково это — когда команда разваливается, а ты должен её собрать. Если нужна ещё какая-то помощь — скажи.

Он кивнул всем и вышел, оставив после себя не только дополнительное время, но и странное ощущение: будто кто-то большой и уверенный на секунду прикрыл их своим плечом.

Девочки переглянулись. Кто-то выдохнул. Кто-то улыбнулся. Алина медленно опустила руки.

— Ладно, — сказала она, чуть тише, чем обычно. — Раз у нас теперь есть время... давай попробуем ту связку, которую ты показывала. Только медленно. И без нервов.

Кира кивнула, чувствуя, как внутри что-то расправляется — не до конца, но достаточно, чтобы снова почувствовать пол под ногами.

— Спасибо, — тихо сказала она Алине. — И... давайте сегодня без спешки. Сначала разберём, потом соберём.

Они начали. Медленно. С паузами. С повторениями. И впервые за последние дни Кира почувствовала, что её слышат — не потому что она кричала, а потому что теперь у них было время услышать. Макс своим поступком будто дал им право ошибаться, право пробовать, право не быть идеальными с первого раза.

Когда репетиция закончилась, Кира стояла в центре зала

и смотрела на девочек — уставших, вспотевших, но не растерянных, а собранных. Линия всё ещё была неровной, но она держалась.

— Сегодня было лучше, — сказала Алина, подходя ближе. — Не идеально. Но лучше.

Кира улыбнулась — искренне, без усилия.

— Да. Лучше.

После тренировки Кира вышла в коридор и сразу увидела Артёма. Он стоял у окна, смотрел на дождь, который наконец-то начал капать по стёклам, и держал в руках свой скетчбук. Но не рисовал — просто держал, будто это был якорь.

— Ты как? — спросил он, не поворачиваясь к ней полностью. Его голос звучал нормально, но в нём было что-то новое — не злость, не обида, а... дистанция. Как будто между ними выросла тонкая, почти невидимая стена.

— Нормально, — ответила Кира, подходя ближе, но не слишком. — Даже хорошо. Макс договорился о дополнительном времени, и мы... вроде как начали собираться.

Артём кивнул, будто это была просто информация, которую нужно принять к сведению.

— Рад за тебя, — сказал он. — Значит, всё налаживается.

Но в этих словах не было тепла — только вежливость. И Кира вдруг поняла: он ревнует. Не к Максиму как к парню, а к этому вниманию, к этой поддержке, к тому, что кто-то другой смог дать ей то, чего он, возможно, не знал, как дать.

— Артём, — тихо сказала она. — Ты... ты не злишься на

меня?

Он наконец посмотрел на неё — не сердито, а устало.

— Я не злюсь, — ответил он. — Просто... иногда кажется, что тебе теперь нужны другие люди. Другие способы. А я... я не знаю, как быть полезным, если не могу просто посидеть рядом и помолчать.

Кира почувствовала, как внутри всё сжимается — не от обиды, а от понимания, что она невольно ранила его, даже не заметив.

— Ты мне нужен, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Не как тот, кто решает проблемы, а как тот, кто знает меня. Когда Макс договаривается о зале — это помощь. А когда ты сидишь рядом и молчишь — это опора. И мне нужно и то, и другое. Просто... я не умею это объяснять.

Артём помолчал, будто взвешивал её слова. Потом чуть улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда снимают тяжёлый рюкзак.

— Ладно, — сказал он. — Тогда я буду просто сидеть рядом. Даже если ты будешь разбираться с залами, капитанами и номерами. Я тут.

Кира выдохнула — впервые за день по-настоящему.

— Спасибо, — прошептала она. — Мне этого сейчас очень не хватает.

Дождь усилился, и они пошли к остановке под одним зонтом — не потому что боялись промокнуть, а потому что так было проще идти рядом, не теряя друг друга в шуме города.

Дома было тихо, но не пусто. Отец сидел на кухне, пил чай и смотрел в окно, будто пытался прочесть в каплях дождя какие-то ответы. Когда Кира вошла, он поднял глаза — в них было столько осторожной надежды, что ей захотелось сразу сказать: «Всё хорошо», чтобы не заставлять его волноваться. Но сегодня она не смогла.

— Пап, — сказала она, садясь напротив. — Можно мы... поговорим? Про маму.

Отец замер, будто боялся спугнуть этот момент. Потом медленно поставил чашку на стол, снял очки, протёр их краем футболки — всё это было похоже на ритуал, который давал ему время собраться.

— Можно, — тихо сказал он. — Я... я давно хотел, но не знал, с чего начать. И боялся, что ты не захочешь слушать.

Кира сцепила пальцы в замок, чувствуя, как ногти впиваются в ладони — это помогало держаться.

— Я злюсь, — выговорила она, и эти слова прозвучали громче, чем она ожидала. — Я злюсь на неё. За то, что она ушла. За то, что не звонит каждый день. За то, что я не знаю, вернётся ли она. И... я обижена. Потому что мне кажется, что я была недостаточно хорошей, чтобы она осталась.

Отец слушал, не перебивая, не пытаясь сразу всё исправить. Он просто смотрел на неё — внимательно, серьёзно, так, будто каждое её слово было самым важным в мире.

— Ты была хорошей, — тихо сказал он. — Ты есть хорошая. Просто... взрослые иногда делают вещи, которые детям

кажутся предательством, а на самом деле это просто... слабость. Мама ушла не потому, что ты была плохой. Она ушла, потому что ей было тяжело. И это не твоя вина.

Кира опустила глаза, чувствуя, как под веками щиплет.

— Но мне всё равно больно, — прошептала она.

— И это нормально, — сказал отец. — Болеть — нормально. Злиться — нормально. Главное — не держать это в себе. Я не всегда знаю, как правильно, но я здесь. И я хочу знать, что с тобой происходит. Даже если это просто: «сегодня было тяжело, и я устала».

Кира кивнула, не решаясь поднять глаза. Но внутри что-то сдвинулось — не исчезло, но стало чуть легче дышать.

— Сегодня было тяжело, — сказала она. — Но мы не сдались. И... мне помогли. Макс договорился о зале, а Артём... он просто был рядом.

Отец улыбнулся — устало, но искренне.

— Значит, у тебя есть люди, которые держат линию вместе с тобой, — сказал он. — И это самое важное.

Кира наконец подняла глаза и увидела в его взгляде не растерянность, а понимание — такое, какое бывает, когда два человека наконец-то начинают говорить на одном языке.

Ночью, лёжа в темноте, Кира думала о том, что взросление — это не про то, чтобы стать сильной и ни от кого не зависеть. Это про то, чтобы научиться принимать помощь, не чувствуя себя слабой. Про то, чтобы видеть, когда ты ранишь тех, кто рядом, и уметь сказать: «Прости, я не хотела».

Про то, чтобы злиться и обижаться, но не позволять этому чувству разрушить всё остальное.

И ещё она думала о линии — той самой, которую она вела. Сегодня она была не одна. Кто-то держал её с одной стороны, кто-то — с другой. И даже если она всё ещё дрожала, она больше не рвалась.

Глава 7. Линии на бумаге и линии на паркете

Кира шла по коридору, и впервые за долгое время ей не хотелось прижиматься к стене. Не потому что страх исчез — он всё ещё прятался где-то под рёбрами, холодный и осторожный. Просто теперь у неё было не только «надо», но и «есть те, кто поможет». Макс выбил для команды лишний час в зале — и девочки перестали смотреть на Киру как на приговор. Алина теперь не спорила на каждом слове, а ворчала по делу. Лена перестала путаться в треках — завела отдельный плейлист с пометкой «только для номера» и проверяла его трижды. Катя держала реквизит под контролем, будто ленты и зажимы стали её личной территорией, которую она никому не позволит запутать.

Но между Артёмом и Максом витало что-то новое — не открытая вражда, а тихое соревнование. Макс приходил в зал между футбольными тренировками, приносил идеи: «А если сделать выход через боковые линии?», «Давайте попробуем свет — пусть часть сцены будет в полумраке, а потом вспышка». Он говорил уверенно, легко, и команда слушала — не потому что он был капитаном, а потому что рядом с ним даже самое сложное начинало казаться возможным.

Артём не спорил. Он вообще почти ничего не говорил. Но

однажды после репетиции, когда Кира стояла в центре зала, пытаясь мысленно разложить номер на кусочки и понять, где линия снова начинает рваться, он подошёл и молча протянул ей скетчбук.

— Посмотри, — сказал он просто. — Я тут кое-что набросал. Не про движения, а про... узор.

Кира открыла страницу — и замерла. На плотной бумаге чёрными линиями был нарисован зал. Точки — девочки. Стрелки — направления движения. Тонкие пунктиры — где кто должен смотреть. Толстые линии — основные потоки. И поверх всего — одна главная линия, выделенная красным: её, Кире, траектория. Она шла не по центру, не на виду у всех, а чуть сбоку — оттуда, откуда лучше всего видно, как остальные вписываются в узор.

— Это... — Кира подняла глаза на Артёма. — Это то, как я вижу номер. Только я не умею это объяснить словами.

Артём пожал плечами, но в его глазах мелькнуло что-то вроде облегчения.

— Я заметил, как ты стоишь. Как будто ты не ведёшь, а держишь. Вот и нарисовал. Если хочешь, могу сделать такие схемы для каждой части номера. Чтобы ты могла показывать, а не объяснять.

Кира почувствовала, как внутри что-то щёлкает на место. Это был его способ быть полезным — не брать на себя зал, не договариваться с физруками, не предлагать эффектные идеи. А дать ей инструмент, который превращал её внутрен-

нее чувство в понятную карту.

— Хочу, — сказала она. — Очень хочу.

В этот момент в зал зашёл Макс. Он остановился на пороге, посмотрел на Киру, на раскрытый скетчбук, на линии, стрелки, точки. И вместо того чтобы предложить что-то своё, просто кивнул.

— Круто, — сказал он. — С такой схемой можно не гадать, кто где стоит. Если нужно, я могу помочь с разметкой на полу — мелом или лентой. Чтобы девочки видели, куда идти.

Кира на секунду замерла, чувствуя, как между этими двумя способами помощи — тихим, внимательным рисунком Артёма и открытой, деятельной поддержкой Макса — возникает невидимое напряжение. Не враждебное, но осязаемое: будто каждый хотел доказать, что именно его помощь — самая нужная.

— Спасибо, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Давайте... попробуем оба. Артём, ты делаешь схемы. Макс, если можешь, помоги с разметкой. А я... я буду стоять там, где нарисовано, и держать линию.

Макс улыбнулся — легко, без вызова.

— Договорились, — сказал он. — Тогда завтра с утра всё подготовлю.

Когда он ушёл, Артём чуть помедлил, будто хотел что-то добавить, но не нашёл слов. Вместо этого он просто закрыл скетчбук и кивнул Кире — коротко, по-деловому.

— Завтра принесу остальные страницы, — сказал он и вышел, оставив Киру одну посреди зала, где на полу уже проступали тонкие линии разметки, а в голове складывался узор из стрелок и точек.

На следующий день зал выглядел иначе. На полу мелом были нанесены едва заметные линии — не для зрителей, а для команды. Девочки сначала хихикали: «Мы что, дети, по линиям ходить?», но потом поняли: эти линии не ограничивали, а помогали. Они показывали, где шаг должен быть шире, где поворот — мягче, где нужно чуть замедлиться, чтобы остальные успели.

Артём принёс целую папку схем — для каждой части номера, с пометками: «Алина — резкий выход», «Лена — держит темп», «Катя — следит за реквизитом». Он не раздавал их всем — он отдал их Кире, а она уже показывала девочкам, объясняя не словами, а указывая на стрелки: «Смотри, отсюда ты выходишь, а тут чуть замедляешься — и Алина подхватывает».

И номер начал собираться. Не идеально, но слаженно. Линия больше не рвалась — она дрожала, спотыкалась, но тут же выпрямлялась, потому что теперь у каждой девочки была своя точка опоры: у Алины — динамика, у Лены — ритм, у Кати — порядок.

После репетиции Кира стояла у окна и смотрела, как дождь смывает меловые линии с пола. Скоро их не останется — но узор уже отпечатался в памяти.

К ней подошёл Артём. В руках он держал новый набросок — не схему, а портрет. Не лица, а движения: Кира, которая стоит чуть сбоку, смотрит не вперёд, а на команду, и в её позе столько собранности, что кажется, будто она держит на себе весь зал.

— Держи, — сказал он, протягивая лист. — Просто чтобы ты помнила: ты не просто ведёшь. Ты собираешь.

Кира взяла рисунок, провела пальцем по линиям — они были чуть шероховатыми, будто впитали в себя все репетиции, все сомнения, все попытки удержать линию.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Это... важнее любой разметки.

В дверях снова появился Макс. Он увидел рисунок, но ничего не сказал — только кивнул, будто понял: у каждого своя роль, и обе они нужны.

— Зал свободен ещё на полчаса, — сказал он. — Если хотите, можем попробовать финальную связку при свете — я договорился, чтобы включили софиты.

Кира посмотрела на Артёма, потом на Макса. И вдруг поняла: это не соревнование. Это не «кто важнее». Это две разные опоры, которые вместе держат её, когда пол под ногами кажется слишком скользким.

— Давай, — сказала она Макс. — Попробуем со светом. А ты, — повернулась она к Артёму, — можешь просто постоять рядом. Мне будет спокойнее.

Артём улыбнулся — впервые за несколько дней по-насто-

ящему.

— Могу, — сказал он. — И даже не буду ничего рисовать. Просто постою.

Они пошли в зал — трое, каждый со своим способом быть полезным, и Кира вдруг почувствовала, что, возможно, именно в этом и есть настоящая команда: не в том, чтобы все делали одно и то же, а в том, что каждый приносит то, что умеет, и этого хватает, чтобы удержать линию.

Глава 8. Письмо, которое не уйдёт

Дома пахло чаем и чем-то ещё — не грустью, а усталостью, которая оседает в углах, когда день заканчивается, а мысли не хотят укладываться по местам. Отец сидел на кухне, листал какой-то старый журнал, но Кира знала: он ждёт. Не торопит, не спрашивает «как дела», а просто сидит и даёт ей время дойти до этого «рассказать».

Кира села напротив, положила на стол рисунок Артёма — тот самый, где она собирает узор. Отец посмотрел на него, не спеша, будто пытался прочитать в линиях то, что она не могла сказать словами.

— Красиво, — тихо сказал он. — Ты... на нём сильная. Не жёсткая, а собранная. Как будто знаешь, что держишь.

Кира кивнула, не поднимая глаз.

— Это Артём нарисовал. Он... помогает мне по-своему. Не так, как Макс. Но мне это нужно.

Отец чуть улыбнулся — не широко, а так, будто эти слова сняли с него какой-то невидимый груз.

— Хорошо, — сказал он. — Когда рядом есть те, кто помогает по-своему — это самое ценное.

Он помолчал, потом аккуратно отложил журнал и посмотрел на Киру — прямо, без суеты, как будто собирался сказать что-то важное и не хотел испортить это лишним словом.

— Знаешь, — начал он, — я тут подумал... может, мы

с тобой напишем маме письмо? Не электронное, не сообщение. А настоящее, на бумаге. Просто чтобы рассказать, как у тебя дела. Не с претензиями, не чтобы она почувствовала вину. А просто... чтобы она знала. Что ты злишься, что тебе тяжело, но ты справляешься. И что я тут. И что мы... держимся.

Кира замерла. Мысль о письме была одновременно пугающей и притягательной. Написать — значит признать, что мама всё ещё есть, что её отсутствие — это дыра, которую нельзя просто заклеить словами «всё нормально». Но в то же время — это способ сказать то, что вслух не получается.

— А если она не ответит? — тихо спросила Кира.

Отец вздохнул — не тяжело, а так, будто принимал эту возможность как часть жизни.

— Тогда письмо останется у нас, — спокойно сказал он. — Или мы его не отправим. Можем просто написать и положить в коробку. Чтобы ты знала: ты сказала. И тебе не нужно больше носить это внутри.

Кира сжала пальцы в кулаки, потом медленно разжала. Ей хотелось, чтобы слова пришли сами, но они не приходили — только обрывки мыслей, которые сталкивались друг с другом и рассыпались.

— Я не знаю, что писать, — призналась она. — Хочу сказать, что злюсь. Но не хочу, чтобы она думала, что я её ненавижу.

Отец кивнул, будто слышал это много раз — не от Киры,

а от самого себя.

— Тогда начнём с простого, — предложил он. — Без красивых фраз. Просто факты. «Сегодня была репетиция. Я велела номер. Было тяжело, но мы не сдались. Артём нарисовал схему, Макс помог с залом. Папа варит суп и старается не задавать лишних вопросов». И в конце — то, что болит. Прямо: «Я злюсь, что ты ушла. И скучаю».

Кира закрыла глаза, представляя эти слова на листе бумаги — не размашистым почерком, а аккуратным, чтобы мама могла прочитать и не споткнуться о дрожащие буквы.

— Давай попробуем, — прошептала она. — Но... ты будешь рядом? Не чтобы писать за меня, а просто... чтобы я не осталась с этим одна.

Отец улыбнулся — устало, но искренне.

— Буду, — сказал он. — Я здесь. И я не буду торопить.

Они достали лист бумаги, ручку. Отец подвинул к себе чистый лист и начал писать — не для Киры, а как пример, чтобы снять страх перед белым листом:

«Мама, привет. Не знаю, с чего начать, поэтому начну с обычного. У Киры сейчас важный номер. Она его ведёт. Я вижу, как ей тяжело, но она не сдаётся. Каждый вечер я ставлю суп на плиту и надеюсь, что она скажет хоть слово. Сегодня она сказала. Мы решили написать тебе письмо. Не чтобы ты вернулась прямо сейчас. А чтобы ты знала — мы держимся».

Кира читала и чувствовала, как внутри что-то тихо щёл-

кает — не исчезает боль, но становится чуть легче дышать. Это были его слова, но они подходили и ей.

Потом она взяла ручку. Её рука дрожала, но она не остановилась.

«Мама, я злюсь на тебя. За то, что ты ушла и не объяснила. За то, что я не знаю, вернёшься ли ты. Но я не ненавижу тебя. Просто мне тяжело без тебя. Сегодня мы репетировали, и я вела номер. Было страшно, но я стояла там, где должна была. Артём нарисовал для меня схему — он знает, как мне проще. Макс помог с залом — он делает всё так уверенно, что даже мне становится спокойнее. Папа старается. Он не задаёт лишних вопросов, но он рядом. И я... я стараюсь не развалиться. Напиши, если сможешь. Или не пиши. Но знай: я здесь».

Когда она дописала последнюю строчку, в комнате повисла тишина — не звенящая, а мягкая, будто сама квартира выдохнула вместе с ней. Отец не стал читать, пока она не разрешила. Только пододвинул к ней конверт.

— Если хочешь, можем не отправлять, — тихо сказал он. — Можем просто положить его в коробку. Или я отправлю его сам, если тебе тяжело.

Кира посмотрела на конверт, на своё имя, написанное аккуратным отцовским почерком в углу. Потом медленно провела пальцем по линии склейки — не запечатывая.

— Пока не будем отправлять, — сказала она. — Пусть полежит. Но... спасибо, что предложил. Это было... нужно.

Отец кивнул.

— Иногда самое трудное — это просто сказать: «мне тяжело». А мы с тобой сказали.

Ночью Кира лежала в темноте и думала о том, что письмо не обязательно должно уйти, чтобы сработать. Иногда достаточно просто перенести боль на бумагу, чтобы она перестала занимать всё внутри. И ещё она думала о том, что у неё есть два разных вида опоры: одна — яркая, уверенная, как свет софитов, другая — тихая, привычная, как тёплый свет на кухне. И ей не нужно выбирать только одну.

А завтра снова будет репетиция. И линия снова попробует порваться. Но теперь у Киры были схемы Артёма, разметка Макса, доверие девочек — и письмо, которое лежало в ящике стола, как тихий, но важный факт: она сказала. И её слышали.

Глава 9. Когда узор рассыпается

Кира стояла в дверях спортзала и чувствовала, как привычный холод помещения бьёт не по коже, а прямо в грудь — будто зал сам сегодня был против неё. Внутри уже шумели: голоса звучали громче обычного, смех — резче, и в этом шуме не было радости, а была какая-то нервная энергия, будто команда искала повод сорваться.

Алина стояла у зеркала, поправляла причёску, но делала это не для номера — она будто специально тянула время, чтобы все видели, что ей не очень-то и хочется репетировать. Лена сидела на скамейке, уткнувшись в телефон, и, когда Кира поздоровалась, только кивнула — коротко, без улыбки. Катя вообще не пришла.

— Где Катя? — спросила Кира, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Сказала, что у неё семейные дела, — буркнула Алина, не глядя на неё. — Но, может, она просто не хочет тут быть. Ты же теперь всё делаешь по схемам Артёма, а про реквизит все забыли.

Кира сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она знала, что Алина права хотя бы наполовину: Катя действительно отвечала за ленты и зажимы, и без неё эта часть номера висела в воздухе. Но услышать это вот так, при всех, было как удар по самому уязвимому месту.

— Реквизит можно подготовить и вдвоём, — сказала Кира. — Лена, ты можешь помочь? Просто проверить, чтобы ленты не были в узлах, зажимы не щёлкали...

Лена подняла глаза, и в них мелькнуло раздражение.

— Я и так делаю всё: плейлист, темп, переходы, — резко сказала она. — А теперь ещё и реквизит? Может, тогда я и номер сама поставлю, а ты просто постоишь в стороне?

В зале повисла тишина — не та, в которой слышно, как бьётся сердце, а тяжёлая, злая, в которой каждое слово падало как камень. Кира почувствовала, как внутри всё сжимается, как будто кто-то туго затянул невидимую верёвку.

— Прости, — тихо сказала она. — Я не хотела взваливать всё на тебя. Просто... Катя не пришла, а без реквизита мы не сможем сделать связку.

— А без моего плейлиста мы вообще ничего не сможем, — огрызнулась Лена. — И никто этого не ценит.

Алина хмыкнула, скрестила руки.

— Вот и получается, — сказала она, глядя не на Киру, а куда-то поверх её головы. — Ты раздаёшь роли, а когда кто-то не справляется, всё летит к чертям. И мы снова должны это разгребать.

Кира почувствовала, как к горлу подступает ком. Ей хотелось сказать: «Я не раздаю роли, я пытаюсь собрать вас вместе», но слова застревали где-то посередине, потому что в глубине души она сама начинала сомневаться: а вдруг она действительно делает только хуже?

Она достала из рюкзака скетчбук Артёма — тот самый, где были нарисованы схемы. Открыла на нужной странице, провела пальцем по стрелкам, по точкам, по красной линии, которая должна была вести её.

— Смотрите, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Вот эта часть: Алина делает резкий выход, Лена держит темп, Катя подаёт ленту. Если Кати нет, мы можем попробовать без ленты — просто обозначить движение. Это будет не так эффектно, но мы хотя бы сможем отрепетировать связку.

— Без ленты? — переспросила Алина, будто услышала что-то нелепое. — Да это как танцевать без музыки. Номер развалится.

— Тогда давайте без связки, — упрямо сказала Кира. — Давайте просто отработаем шаги. Хоть что-то.

— Зачем? — вдруг тихо спросила Лена. — Чтобы потом выйти и показать, как мы кое-как сделали то, что могли сделать нормально?

Кира закрыла скетчбук. Ей вдруг стало невыносимо стыдно за эти аккуратные линии, за стрелки, за уверенность, с которой Артём их рисовал. Как будто эти схемы были не помощью, а насмешкой: смотрите, как всё должно быть, если бы вы были идеальными.

— Если вы не хотите репетировать, — тихо сказала она, — мы можем просто разойтись.

И в этот момент дверь снова открылась — и вошёл Макс. Он остановился на пороге, будто почувствовал, что попал не

вовремя, и посмотрел на Киру — не с привычной уверенностью, а с тревогой, как будто хотел спросить: «Что случилось?», но боялся, что его вмешательство только всё испортит.

— Зал свободен ещё на час, — сказал он, глядя скорее на всех сразу, чем на кого-то одного. — Если хотите, можем попробовать со светом — я договорился, чтобы включили софиты.

Алина фыркнула.

— Спасибо, конечно, — сказала она, и в её голосе было столько сарказма, что даже Макс чуть отступил назад. — Но если у нас нет реквизита, нет нормального темпа и нет желания, то никакой свет не поможет.

Макс перевёл взгляд на Киру. Она хотела кивнуть, сказать: «Всё в порядке, мы сами разберёмся», но не смогла. Вместо этого она просто стояла, чувствуя, как пол под ногами становится всё менее надёжным.

— Ладно, — сказал Макс, будто принял какое-то решение. — Тогда я пойду. Если позже понадобится помощь — скажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.